

Местное самоуправление на Дальнем Востоке России в условиях Гражданской войны (1918–1920)

Георгий Яковлевич Тригуб,
кандидат исторических наук, доцент ка-
федры государственного и муниципаль-
ного управления ВГУЭС, Владивосток.
E-mail: georgi.trigub@vvsu.ru

Статья об истории местного самоуправления на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны. Автор раскрывает сложные условия, в которых проходили восстановление и деятельность органов местного самоуправления после свержения в регионе советской власти в 1918 г.

Ключевые слова: местное самоуправление, Дальний Восток, Гражданская война.

Local government in the Russian Far East in the Civil War (1918–1920)

Georgy Ya. Trigub, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Dept. of State and Municipal Management, VSUES, Vladivostok.

The article concerns the conditions of local government in the Russian Far East during the Civil War. The author reveals difficult environment in which the local authorities' recovery and activities were to take place after the Soviet power had fallen in the region in 1918.

Key words: local government, the Far East, the Civil War.

На востоке России с началом Гражданской войны (1918) была свергнута советская власть. Создавались белогвардейские «правительства»: Временное правительство автономной Сибири во главе с И.А. Лавровым и П.Я. Дербером (Владивосток), Деловой кабинет Д.Л. Хорвата (Харбин), Сибирское временное правительство во главе с П.В. Вологодским (Томск), правительство Амурской области А.Н. Алексеевского (Благовещенск) и др. Конструирование властных структур, боровшихся с большевиками, сопровождалось восстановлением органов местного самоуправления на Дальнем Востоке России. Так, чехословацко-белогвардейский переворот во Владивостоке 29 июня 1918 г. способствовал восстановлению деятельности Владивостокской думы и управы [27, с. 167]. Были восстановлены также Никольск-Уссурийское и Хабаровское городские общественные управления. Формировать систему земского самоуправления в Приморье и налаживать прерванную работу его органов пришлось заново [32, с. 8].

12 июля 1918 г. произошёл антисоветский переворот в Петропавловске-Камчатском. К власти пришёл областной комитет, была восстановлена Петропавловская городская дума [28, с. 129; 33, с. 20]. II Камчатский областной съезд (октябрь 1918 г.) постановил ввести на Камчатке земство. Областной комитет, выбранный на этом съезде, был наделён функциями областной земской управы [29, с. 242—243]. В конце августа 1918 г. в связи с уходом из Читы войск, верных советской власти, возобновили работу Читинская городская дума и управа, сохранившие свой состав после роспуска большевиками в апреле 1918 г. [24, с. 231]. Осенью 1918 г. в Забайкалье были восстановлены также система земского самоуправления и общественные управления в других городах области.

28 августа 1918 г. начальник охранной команды г. Александровска капитан Н.И. Лейзерович, являвшийся одновременно начальником гарнизона о-ва Сахалин, городской голова И.А. Карпович и начальник городской милиции Т.В. Павлов объявили о непризнании советской власти «...Александровской городской думой и подавляющим большинством населения о. Сахалина...» [34, с. 91—92]. 7 сентября Сахалинский областной исполком Советов рабочих и крестьянских депутатов вынужден был сложить полномочия и передать власть восстанавливаемым земским и городским самоуправлениям. 14 сентября Сахалинская областная земская управа вынесла постановление об упразднении местных Советов и возобновлении деятельности городских и земских самоуправлений. Тогда же, в сентябре 1918 г., Николаевская-на-Амуре городская дума приняла дела у местного Совета [34, с. 101—102].

Аналогичная картина после свержения советской власти наблюдалась и в Амурской области. Приказом председателя белогвардейского правительства Амурской области А.Н. Алексеевского от 9 октября 1918 г. особым должностным лицам (уполномоченным), назначенным на места правительством, вменялось в обязанность безотлагательно принять меры к восстановлению городских и земских самоуправлений. По распоряжению уполномоченных созывались волостные собрания либо из гласных (там, где состав был сохранён, несмотря на ликвидацию земских учреждений советской властью), либо из выборных лиц (по одному от каждых 25 совершеннолетних граждан из каждого селения волости). На этих волостных собраниях избирались комитеты общественной безопасности, которые под общим руководством правительственных уполномоченных должны были временно, впредь до новых выборов земских гласных, заведовать всеми местными нуждами. Распоряжение о выборах земских гласных должно было отдать правительство по докладом уполномоченных [1, с. 244].

Обстоятельства, при которых городские и земские самоуправления возобновили деятельность, могли породить сомнения в законности восстановленных органов местного самоуправления и их распоряжений. Поэтому, например, Владивостокская городская дума, желая доказать, что она по-прежнему пользуется доверием и поддержкой горожан, постановила провести досрочные выборы гласных, руководствуясь законами

Временного правительства 1917 г. Выборы прошли 27—28 июля 1918 г. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 837. Л. 4—5]. Было выставлено 18 списков кандидатов. В выборах участвовало 26 107 чел. (по другим сведениям — 26 347 чел.), или около 77% от числа избирателей. Из них 13 315 (51%) отдали голоса за кандидатов из списка № 17 от Центрального бюро профсоюзов, по которому в городскую думу баллотировались большевики. 5530 избирателей (21,18%) проголосовали за список № 10 от Демократического блока социалистических партий и профессиональных союзов. Список № 9 от Партии народной свободы и группы общественных организаций, стоящих на принципе народовластия, получил 4326 голосов (16,57%). Прочие голоса распределились между остальными 14 списками кандидатов в гласные (список № 3 был снят ввиду объединения Технического союза с Демократическим блоком социалистических партий и профессиональных союзов). 605 избирательных карточек при подсчёте голосов признаны недействительными. Таким образом, надежды кадетов, меньшевиков и эсеров не оправдались. Эсеро-меньшевистский блок сумел провести в гласные только 22 человека, кадеты — 17 человек. Убедительную победу одержали большевики, получившие 53 места из 101 во Владивостокской городской думе [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 836. Л. 11об.—12; Д. 840. Л. 212; Д. 846. Л. 3], что объяснялось неумением умеренно-социалистических партий правильно организовать избирательную компанию, распылённостью демократических сил, значительным влиянием большевистской идеологии на пролетарские слои города.

Выборы 27—28 июля 1918 г. прошли без должного соблюдения закона. Был нарушен ряд статей постановления Временного правительства от 15 апреля 1917 г. о проведении выборов городских гласных. Согласно ст. 11 исправленные и дополненные списки избирателей подлежали обнародованию не позднее, чем за две недели до дня выборов. Однако эти списки произвольно дополнялись вплоть до самого дня выборов. В соответствии со ст. 12 лиц, не внесённых в списки избирателей за две недели до выборов, нельзя было допускать к участию в выборах. В действительности в выборах участвовали все лица, изъявившие на то желание — их включали в избирательные списки вплоть до дня выборов. О дне, часе и месте выборов было объявлено не за две недели, как того требовала ст. 13, а за одиннадцать дней до выборов.

Имевшие место нарушения законности были использованы противниками большевиков для отмены результатов выборов. Во Владивостокский окружной суд были поданы жалобы частных лиц, а также протест исполнявшего обязанности областного комиссара А.С. Медведева [РГИА ДВ. Д. 837. Л. 8, 11—11об., 20—21]. Постановлением суда от 12 августа 1918 г. результаты выборов гласных во Владивостокскую городскую думу были отменены [РГИА ДВ. Д. 837. Л. 24—32]. В постановлении особо отмечалось, что назначение досрочных выборов не может считаться законным. «То обстоятельство, что многие гласные Владивостокской городской думы в течение 1917 г. отказались от своего звания, — говорилось в постановлении суда, — не даёт... городской думе право назначить пере-

выборы гласных, ибо закон предусматривает такой случай, и он влечёт за собою лишь последствия, указанные в статьях 59 и 89 закона 9 июля 1917 года» [РГИА ДВ. Л. 32] (т.е. пополнение состава городской думы за счёт кандидатов в гласные).

Законные выборы во Владивостокскую городскую думу состоялись 29 декабря 1918 г. и проходили в непростой политической обстановке. По предложению большевиков конференция профсоюзов города приняла решение бойкотировать их. Большинство избирателей откликнулось на призыв, полагая несправедливой отмену результатов выборов, прошедших в конце июля. Вследствие этого явка составила лишь 11,27% (из 37 408 горожан, внесённых в списки, участие в выборах приняли 4217 человек) [РГИА ДВ. Д. 906. Л. 16]. Абсентеизм избирателей, прежде всего среди трудящихся города, во многом определил результаты выборов. Большинство мест в городской думе (55 из 101) получили кадеты (список № 3 от Партии народной свободы и несоциалистических организаций). Эсеры и меньшевики получили 31 место (список № 7 от Демократического блока социалистических партий и профсоюзов, стоящих на платформе народовластия). Лишь двое гласных оказались избранными от большевиков (по списку № 8 от Центрального бюро профессиональных организаций Владивостока). Ещё 13 чел. были избраны гласными по остальным пяти спискам кандидатов [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 847. Л. 1—9].

Такой состав Владивостокской городской думы predetermined избрание председателем городской думы и его заместителем членов фракции кадетов. В ходе заседания 21 января 1919 г. на эти должности избраны соответственно К.К. Сабардин и М.Я. Кравец. К февралю 1919 г. была сформирована городская управа, тоже кадетская по составу. Избраны городской голова (Е.Н. Гезехус), товарищ городского головы (И.И. Еремеев) и шесть членов управы для заведования отделом народного образования, финансовым, санитарным, земельно-оценочным, электротехническим и строительным отделами [РГИА ДВ. Л. 22—24, 45—45об.].

Обновление составов дум и управ было намечено также прочими городскими самоуправлениями дальневосточного региона России. Выборы должны были состояться в конце 1918 г. на основе законов Временного правительства 1917 г. Тогда же в связи с истечением срока полномочий должны были пройти выборы в органы земского самоуправления на трёхлетие 1919—1921 гг.

К тому времени в Сибири и на Дальнем Востоке установилась власть Сибирского временного правительства. В сентябре 1918 г. в ходе своей дальневосточной миссии П. В. Вологодскому удалось добиться самоликвидации двух соперничавших, но равно безвластных дальневосточных правительств — Делового кабинета Д.Л. Хорвата и Временного правительства автономной Сибири А.И. Лаврова и П.Я. Дербера, а также сдачи власти Приморской областной земской управой, которая была единственным реальным местным правительством.

28 октября 1918 г. учреждена должность верховного уполномоченного Сибирского временного правительства на Дальнем Востоке. На этот

пост был назначен Д. Л. Хорват. При нём создавалось своеобразное региональное «правительство» — Совет верховного уполномоченного, в числе 18 членов которого было четыре представителя местных самоуправлений [37]. Включение в состав органа государственного управления выборных представителей от земств и городских дум следует рассматривать как уступку Сибирского временного правительства влиятельному (в том числе и в дипломатической сфере) Приморскому земству. Эта уступка находилась в разительном противоречии с общим направлением политики Сибирского временного правительства в отношении органов общественного самоуправления.

В октябре 1918 г. Сибирским временным правительством было приостановлено производство выборов в органы городского самоуправления впредь до пересмотра Министерством внутренних дел законоположений о производстве выборов. Выборы гласных на 1919 г., уже проведённые по закону 1917 г., признавались действительными на срок до проведения выборов по новому закону [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 846. Л. 3]. Исключение было сделано лишь для Владивостокской городской думы, поскольку её состав отвечал правительственным интересам. В результате выборов 29 декабря 1918 г. во Владивостокской городской думе, по замечанию городского головы Е. Н. Гезехуса, большинство мест получили «элементы, являющиеся антисоциалистическими... и лояльными по отношению к существующей государственной власти». Данное обстоятельство послужило основной причиной, по которой Сибирское временное правительство удовлетворило ходатайство Владивостокского городского головы об отсрочке выборов гласных по новому закону до 1 января 1921 г. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 906. Л. 19—20об., 30].

Сибирское временное правительство пересмотрело также земское избирательное законодательство. Временными правилами об отсрочке и проведении выборов в органы земского самоуправления от 20 декабря 1918 г. правительство возложило на Министерство внутренних дел пересмотр законоположений о проведении выборов в земские собрания (ст. I); приостановило проведение выборов волостных, уездных, губернских и областных земских гласных (ст. II); предоставило министру внутренних дел право разрешать в случаях, не терпящих отлагательства, проведение выборов по действующему избирательному закону только волостных и уездных земских гласных (ст. III). Этими же правилами на срок до проведения выборов по новому закону были признаны действительными выборы нового состава гласных на 1919 г., проведённые по закону 1917 г. (ст. VI), и была продлена деятельность земских управ, избранных по закону 1917 г. (ст. IV). При этом в нарушение принципа выборности органов местного самоуправления министру внутренних дел предоставлялось право назначать составы земских управ на срок до избрания таковых по новому закону в случае отсутствия законного состава земских собраний (ст. V) [10, с. 23].

Кроме того, власти озаботились принятием мер по изменению составов действующих органов местного самоуправления ещё до проведения муниципальных выборов по новым законам. Согласно постановлению

Западносибирского комиссариата Сибирского временного правительства от 27 июня 1918 г., действие которого было распространено также на территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока, устранению из составов органов земского и городского самоуправления подлежали «представители противогосударственных партий». Исключённых из числа гласных должны были замещать «...в установленном законом порядке кандидаты, выставленные в избирательных списках других партий» [36, с. 9—10]. Так, в начале 1919 г. по предложению Акшинской уездной земской управы Забайкальское областное земское собрание обсуждало вопрос об исключении из числа гласных «...активных участников советских организаций» [10, с. 20]. По требованию управляющего Приморской области из состава Владивостокской городской думы в феврале 1919 г. были исключены большевики Никифоров и Усов, несмотря на возражения демократического блока гласных (эсеров и меньшевиков) [РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 31. Л. 12—13]. Всё это — типичные примеры применения постановления «Об устранении представителей антигосударственных партий из органов самоуправления». Нередко жертвой этого закона становились и умеренные социалисты, поскольку местные государственные власти готовы были применять его против всех социалистов без разбора. Так, в журнале «Земская жизнь Приморья» в одной из заметок сообщалось: «Постановлением командующего войсками Иванова-Ринова из Благовещенска высылаются из пределов Приамурского военного округа гласные областного земства и городской думы Н.И. Бердюгин (с.-р.), Герасим Шпелев (с.-д.), Ефим Щеглов (с.-д.) и С.П. Никифоров (с.-д.)» [11, с. 23]. Случалось, что в таких условиях умеренные социалисты сами отказывались от звания гласных и должностей. Например, осенью 1918 г. гласные-эсеры вышли из состава Верхнеудинской городской думы, а исполнявший обязанности городского головы С.Н. Спицын (тоже эсер) подал в отставку [НАРБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 109. Л. 74об., 122—122об.].

Постановлением правительства от 27 декабря 1918 г. были утверждены новые правила о проведении выборов гласных городских дум. В феврале 1919 г. они были дополнены инструкцией, изданной министром внутренних дел. 10 апреля 1919 г. правительственным постановлением был утверждён новый закон о городском самоуправлении. В соответствии с этими законоположениями городские гласные должны были избираться на четырёхлетие по 1 января 1923 г. Число гласных, подлежащих избранию в думы, определялось числом избирателей. Были пересмотрены нормы представительства. Вследствие этого значительно сократилось количество гласных, избираемых в крупных городах (например, во Владивостокской городской думе число гласных должно было сократиться с 101 до 65) [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 906. Л. 4—5]. Причём, согласно разъяснениям Городского отдела МВД, если число гласных, избравшихся в городскую думу, было более 20 человек, то «...город должен быть разделён на округа согласно данным о количестве избирателей в предшествующие выборы» [12, с. 26]. При этом по каждому из округов должны

были выставляться отдельные списки кандидатов [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1055. Л. 14—14об.]. Эта мера, призванная дать представительство в городской думе всем слоям населения от разных районов города, в то же время затрудняла формирование однородного большинства в представительном органе городского самоуправления.

Выборы в думы городов Сибири и Дальнего Востока прошли в мае — июле 1919 г. Были избраны органы городского самоуправления в Благовещенске, Чите, Хабаровске, Петропавловске, Александровске и ряде других дальневосточных городов. В частности, 25 мая 1919 г. были избраны 35 гласных Верхнеудинской городской думы. Победу на выборах одержали кадеты, представитель которых М.И. Шистер стал председателем городской думы. Городскую управу возглавил избранный городским головой В.В. Никольский, представитель цензового населения Верхнеудинска [НАРБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 10. Л. 88, 98]. 1 июня 1919 г. состоялись выборы в Читинскую городскую думу. Было избрано 40 гласных по 15 спискам, заявленным от православных приходов, трудовых демократов, коммунистов, эсеров, меньшевиков, кадетов, казаков и др. Новым городским головой стал Н.А. Тараторин, председателем городской думы — М.Ф. Чапас [24, с. 231—232]. 7 июня 1919 г. проходили выборы гласных в Хабаровске, участие в которых приняли лишь около 15% избирателей (2 700 из 18 200 человек). Голосовал в основном слой средних и мелких собственников, рабочие выборы проигнорировали. Это предопределило победу на выборах «союза домовладельцев», получившего 76% голосов. Демократический блок умеренных социалистов (меньшевиков и эсероцентристов) набрал 10% голосов, «Союз Возрождения», объединявший кадетов, правых эсеров и республиканцев-федералистов, — 4%. Новым городским головой Хабаровска был избран кадет К.Т. Лихойдов [35].

На выборах в Благовещенскую городскую думу крупную победу одержал эсеро-меньшевистский блок. Корреспондент журнала «Земская жизнь Приморья» в номере от 2 июня 1919 г. сообщал: «На днях получены результаты выборов в г. Благовещенске... из 50 гласных 36 являются избранные по социалистическим спискам» [16, с. 21]. Но победа социалистов на городских выборах в Благовещенске вызвала неудовольствие «цензовых групп», представители которых обжаловали результаты выборов в суде, и суд результаты выборов в городскую думу отменил [18, с. 20]. Власти тоже старались влиять на результаты выборов, чтобы обеспечить «нужный» состав органов городского самоуправления. Следствием был высокий абсентеизм избирателей, ставший формой протеста против политики властей.

Утверждение Сибирским временным правительством нового закона о земском самоуправлении позволило провести очередные выборы и в земские собрания на 1919—1921 гг. При выборах в земские учреждения, которые прошли в Сибири и на Дальнем Востоке в ноябре 1918 — январе 1919 гг., были повышены цензы (возрастной, оседлости и др.), отменена пропорциональная система.

Земские выборы тоже показали высокий абсентеизм избирателей на Дальнем Востоке, который стал формой протеста против «белого» режима. Другой причиной являлось то, что проведение выборов было весьма затруднено в условиях Гражданской войны. Выборы состоялись не во всех волостях. Например, при избрании гласных Ольгинского уездного земского собрания выборы удалось организовать только в одиннадцати волостях из пятнадцати. В тех местностях, где выборы проводились, абсентеизм избирателей зависел от плотности населения и удалённости от железнодорожных путей сообщения. В том же Ольгинском уезде активно голосовали в волостях, расположенных вблизи Сучанской железной дороги. В этих волостях число участвовавших в выборах составило: в Новонежинской — 65%, Романовской — 80%, Новолитовской — 83%, Душкинской — 87%. В отдалённых и малозаселённых волостях, таких как Бенеvская и Киевская, неявка избирателей была очень значительной (70%) [14, с. 18].

Ещё одним важным фактором, влиявшим на абсентеизм населения, было проведение военных действий. Корреспондент журнала «Земская жизнь Приморья» сообщал, например, об итогах земских выборов на 1919—1921 гг. в Ольгинском уезде: «Особенно заметен неуспех выборов в Шкотовской (17,5%), Петровской (30%), Многоудобенской и Фроловской волостях (в последних двух начавшиеся выборы не удалось закончить)» [14, с. 18]. Волости эти в то время были одними из самых многолюдных и к тому же располагались поблизости от Сучанской железной дороги. Главная причина неуспеха выборов здесь крылась в действиях отрядов правительственных войск против партизан, начавшихся с января 1919 г. Так, во Флоровской волости избирательная комиссия с появлением этих отрядов прекратила свою деятельность, так как большинство её членов боялось ареста. В Петровской волости управа, руководившая выборами, вынуждена была объявить о самороспуске из-за начавшихся столкновений между крестьянами и отрядами правительственных войск и последовавшего ареста председателя, его заместителя и секретаря управы. Вследствие происходивших военных действий часть населения, как это было, например, в Шкотовской волости Ольгинского уезда, совсем отказалась от выборов [14, с. 18—19].

Но даже если удавалось провести выборы в земские собрания, качественный состав многих земских учреждений оставлял желать лучшего. Характерный для региона дефицит специалистов ещё более обострился в период Гражданской войны вследствие мобилизации интеллигенции, проведённой в 1919 г. Не хватало не только врачей, агрономов, ветеринаров и других специалистов, но даже просто грамотных работников. Корреспондент журнала «Земская жизнь Приморья» по этому поводу заметил: «Работа земства окончательно разрушается, что усиливает недовольство населения за невозможностью удовлетворять нужды на местах» [14, с. 19].

На формировании системы земского самоуправления отрицательно сказывался также финансовый кризис. Опережающий вследствие инфляции рост земских расходов над доходами и рост неплатежей в земский

бюджет вынуждали многие земства прекращать свою деятельность. Например, в Забайкальской области в 1919 г. три из восьми уездных земских управ (Троицкосавская, Нерчинско-Заводская и Акшинская) заявили о своей самоликвидации [11, с. 25]. В Приморской области так же поступили Ракитинское, Саровское и Хвалынское волостные земства Иманского уезда [17, с. 19—21]. Крайне тяжёлое финансовое положение местного самоуправления усугублялось незначительностью правительственной помощи. Так, на 1 марта 1919 г. Сибирским временным правительством было разрешено ссуд на сумму 236 440 000 руб. Из них на долю земского и городского самоуправлений Сибири и Дальнего Востока пришлось только 33 240 000 руб. (14,06%). Львиная доля правительственных ссуд досталась промышленным предприятиям (52,61%), железным дорогам (28,68%) и частным коммерческим банкам (4,65%) [13, с. 23].

Формирование системы местного самоуправления на восточной окраине России после свержения здесь советской власти осложнялось не только объективными финансовыми, кадровыми, организационными проблемами. Приходилось бороться против попыток ограничения земского и городского самоуправления. В частности, Сибирское временное правительство запретило органам земского и городского самоуправления обсуждать «вопросы конструкции власти и вообще вопросы политического характера» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 900. Л. 9—9об.]. Восстановив систему местного самоуправления, оно лишило его органы властных полномочий. Постепенно власть в каждой из дальневосточных областей сосредоточилась в руках управляющего областью, в уездах — управляющих уездами, в селениях — волостных и сельских старост. На Камчатке, кроме того, Сибирское временное правительство отказалось от идеи введения земства. В феврале 1919 г. власти распустили областной комитет, действовавший на правах областного земства, уездные, волостные и сельские комитеты. Был распущен вскоре и комитет по введению земства, организованный по постановлению II Камчатского областного съезда [29, с. 243].

Ограничивались предметы ведения местного самоуправления. По постановлению административного совета Сибирского временного правительства от 17 сентября 1918 г. милиция была изъята из ведения городского и земского самоуправления и передана в ведение Министерства внутренних дел. Впредь до установления штатов городских и уездных милиций, на основании утверждённого Временного положения о сибирской милиции 1918 г., состав их и оклады содержания чинов милиции должны были определяться министром внутренних дел по представлениям губернских (областных) комиссаров [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1519. Л. 111об.]. Новым законом о биржах труда от 14 ноября 1918 г. заведение местными биржами труда передавалось лицам, назначаемым Министерством труда [10, с. 23]. По закону от 20 февраля 1919 г. мероприятия по борьбе с чумой крупного рогатого скота были изъяты из ведения органов земского самоуправления и переданы в ведение Министерства внутренних дел [10, с. 24]. Продовольственное дело из ведения земства бы-

ло передано биржевым комитетам и особым чиновникам Министерства продовольствия и снабжения. Привлечение к работе вместо земства торгово-промышленного класса, которому щедрой рукой раздавались многомиллионные правительственные субсидии, привело к развитию спекуляции и «неприкрытой вакханалии взяточничества и грабежа» [13, с. 23]. Изъятию из ведения местного самоуправления подлежали также прочие полномочия, предоставленные ему только с 1917 г.

Полагая, что бюджеты сибирских и дальневосточных земств искусственно раздуты и не соответствуют действительной потребности населения, правительство намеревалось установить фиксацию ставок земского обложения. В ходе совещания по вопросу о бюджетных правах земства, созванного в Омске в первой половине апреля 1919 г., представителям земств удалось убедить правительство отказаться от этого намерения, но в расширении бюджетных прав земствам было отказано [11, с. 30; 16, с. 14—15]. Более повезло городскому самоуправлению. Весной 1919 г. Сибирским временным правительством были установлены новые источники городских доходов, повышена или отменена предельность обложения при взимании ряда ранее установленных городских налогов [13, с. 28—29]. Однако финансовые права — это, пожалуй, единственная сфера, в которой положение городского самоуправления выгодно отличалось от положения земства. Во всём остальном городское самоуправление ограничивалось в той же мере, что и земское.

Власти не признавали за земским и городским самоуправлением права на создание союзов. В сентябре 1918 г. был учреждён Всесибирский союз земств и городов (Сибземгор) [НАРБ. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 64. Л. 2—2об.], членами которого стали не только сибирские самоуправления, но и, например, Читинское и Нерчинско-Заводское уездные земства, Акшинское городское самоуправление [15, с. 19—20]. Однако правительство отказывалось легализовать Сибземгор. В январе 1919 г. состоялся учредительный съезд Дальневосточного краевого союза земств и городов (Далькрайземгора) и был сформирован высший исполнительный орган союза — краевой комитет [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 900. Л. 12—15, 18—20]. Комитет приступил к работе, однако отношением от 21 февраля 1919 г. за № 333 Министерство внутренних дел уведомило управляющего Приморской областью, что «установленному явочным порядком учреждению под сокращённым названием “Далькрайземгор”, как учреждению, не получившему санкции правительственной власти, не может быть предоставлено никаких прав по участию в деятельности земских и городских учреждений». Поэтому управляющему областью предлагалось поставить об этом в известность органы земского и городского самоуправления и «опротестовывать те постановления упомянутых общественных учреждений, которыми делаются какие-либо ассигнования» [13, с. 3].

В конце 1918 г. был восстановлен административный надзор за органами местного самоуправления в лице комиссаров (при А. В. Колчаке их заменили «управляющими»). Обязанности комиссара Сибирского

временного правительства по Приморской области были возложены на И. И. Циммермана, бывшего председателя Владивостокского биржевого комитета. 8 октября 1918 г. он вступил в должность, а в последствии стал управляющим Приморской области. Были также назначены уездные комиссары [38, с. 70; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 833. Л. 10]. В октябре 1918 г. в должности Сахалинского областного комиссара Сибирским временным правительством был утверждён бывший царский вице-губернатор Ф. фон Бунге. Тогда же уездным комиссаром на Сахалин был назначен Г.В. Реут. А в конце декабря того же года они были утверждены колчаковским правительством в должностях управляющего Сахалинской областью и управляющего Сахалинским уездом соответственно [34, с. 102, 274]. Амурским областным комиссаром был утверждён А. Н. Алексеевский, избранный на эту должность 16 ноября 1918 г. областным земским собранием [1, с. 247]. Комиссаром Камчатской области II областной съезд избрал в октябре 1918 г. эсера К.П. Лаврова, а в начале 1919 г. управляющим Камчатской областью был назначен монархист Червлянский, бывший правитель канцелярии губернатора Камчатки [8, с. 20—21].

В период существования колчаковской военной диктатуры все заседания органов земского и городского самоуправления должны были проходить в присутствии милицейских чинов, призванных не допускать обсуждения «политических» вопросов. Пользуясь предоставленным правом, милицейские чины нередко выходили за рамки надзора и вмешивались в работу органов местного самоуправления, иногда позволяли себе и просто хамское поведение. Так, 29 июня 1919 г. в с. Галенки надзиратель милиции Нищенко явился на волостное земское собрание изрядно пьяным и уснул в ходе заседания. От возмущения и безысходности председатель волостной земской управы А. Т. Ващенко попросил у собрания об отставке [20, с. 21].

В апреле 1919 г. правительство сообщило, что «неудачное и устаревшее положение о комиссарах будет вскоре заменено... взаимоотношения между властью и самоуправлением должны быть изменены в сторону усиления надзора» [14, с. 21]. С этой целью в Министерстве внутренних дел спешно был разработан законопроект об участковых помощниках управляющего уездом, утверждённый осенью 1919 г. Там, где были образованы волостные земства, власть новых чиновников ограничивалась только наблюдением за тем, чтобы волостные земские собрания не нарушали в своих постановлениях законов, изданных для земства. По закону этот чиновник не имел права требовать какие-либо сведения от волостных управ, а также делать какие-либо распоряжения. Он мог знакомиться с деятельностью волостной управы на местах и опротестовывать постановления волостного земства административному судье. Однако в законе имелась существенная оговорка, что при неимении административного судьи протест может быть передан уездному съезду. Учитывая кризисное состояние судебной системы (недостаток финансирования, кадров и т.д.), эта исключительная мера могла получить широкое применение

на практике. Судебный надзор за земским самоуправлением, таким образом, фактически мог быть заменён административным надзором, осуществляемым съездом участковых помощников управляющего уездом под его председательством [22, с. 5].

В ряде волостей земские учреждения отсутствовали. Это местности, заселённые кочевыми народностями, а также волости, в которых не удалось провести выборы в органы земского самоуправления по причине гражданской войны. На этих территориях помощникам управляющего уезда закон предоставлял очень широкие права и власть над волостными и сельскими должностными лицами (право штрафов и ареста до семи дней). По оценке земской печати, в неземских волостях «...участковый помощник управляющего уездом является вновь воскрешённым крестьянским начальником...» [22, с. 5].

Кроме того, властями широко практиковалось чрезвычайное законодательство. В начале 1919 г. Сибирским временным правительством были введены «Правила о военном положении, объявляемом по линии железных дорог и в местностях, к ним прилегающих». Государственным органам этими правилами предоставлялись широкие полномочия в области репрессивных мероприятий: проводить обыски, изъятия документов, аресты (на срок до двух недель); воспрепятствовать собраниям, забастовкам, стачкам; конфисковывать печатную продукцию и приостанавливать выпуск периодических изданий; закрывать те общества и союзы, деятельность которых будет признана угрожающей государственному порядку и общественной безопасности; воспрепятствовать отдельным лицам пребывание в полосе военного положения, а также «...воспрепятствовать удалиться из полосы военного положения тем лицам, которых по их знаниям, ремеслу и занятиям предполагается привлечь к работам, признаваемым неотложно необходимыми по условиям переживаемого времени» [12, с. 23]. Этот закон получил однозначно негативную оценку в земской печати. «Нет никакого сомнения, — утверждалось, например, на страницах журнала „Земская жизнь Приморья“, — что широкие полномочия, предоставленные новыми правилами лицам, ведающим делом охраны государственного порядка и общественного спокойствия, создадут невозможные условия для общественной деятельности... при наличии „правил“ всевозможные преследования органов земств и городов, кооперативных и рабочих организаций, само собой разумеется, удвоятся, базируясь на дающем сильное оружие в руки... администрации „законном основании“» [12, с. 23].

Такая оценка вполне справедлива. В то время почти повсеместно в той или иной форме происходили военные действия, явно нарушавшие «государственный порядок и общественное спокойствие» и дававшие формальное право для применения чрезвычайного законодательства. Поэтому упомянутые правила теряли свою «исключительность» и становились регулятором повседневной жизни на территории Сибири и Дальнего Востока, в том числе взаимоотношений между властными государственными структурами и органами самоуправления. Практика взаимоотношений,

сложившаяся до принятия «Правил о военном положении, объявляемом по линии железных дорог и в местностях, к ним прилегающих», не оставляла сомнений, что с введением нового закона вмешательство государственных органов в дела самоуправления и нарушение прав последнего не прекратились бы, а могли только усилиться.

Для политических преследований городских и земских деятелей властями применялось также Постановление о внесудебных арестах, принятое 11 февраля 1919 г. Этот закон позволял чинам милиции и чиновникам особых поручений производить арест лиц на срок до двух недель. По решению управляющего областью этот срок мог быть продлён до одного месяца без выдвижения обвинения. Без постановления суда разрешалось также производить обыски и высылку неугодных лиц [12, с. 27].

Например, в Приморской области в марте 1919 г. были арестованы члены областной земской управы Б.Е. Сквирский и Г.Ф. Семешко. Тогда же несколько гласных Владивостокской городской думы, лидеров эсеро-меньшевистской оппозиции (А.Е. Ходоров, Б.А. Косминский и др.) подверглись внесудебному аресту или административной высылке [30]. Председатель областной земской управы А.С. Медведев и гласный Владивостокской городской думы А.Ф. Агарёв, в октябре 1918 г. уже привлекавшиеся к суду по надуманному обвинению в превышении власти [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 849. Л. 2—4], в марте 1919 г. вынуждены были скрываться, чтобы избежать ареста. Политические преследования в отношении указанных лиц были прекращены только после вмешательства консульского корпуса. Но это не означало, что власти отказались от политики репрессий. Так, с середины мая до середины июня 1919 г. содержался в тюрьме гласный Владивостокской городской думы М.С. Бинасик [19, с. 25], летом того же года был арестован гласный Приморского областного земского собрания и член краевого комитета земств и городов Дальнего Востока В.М. Порватов [4].

Столь же бесцеремонно военные и административные чины обходились с волостными и уездными земствами. В январе 1919 г. журнал «Земская жизнь Приморья» сообщал: «Случаи вмешательства в дела волостных земских самоуправлений... за последнее время сильно участились. Неугодные земские управы милиция карает самыми разнообразными мерами вплоть до разгона...» [10, с. 20]. По сообщениям, например из Забайкальской области, «земские выборные управцы бегут со службы или разгоняются семёновцами, если не желают изменять законности». В качестве одного из многочисленных примеров приводился случай с Еланской волостной земской управой. В указанной волости земское самоуправление, утверждённое в законодательном порядке, было отменено распоряжением казачьего офицера. Еланской волостной земской управе семёновский есаул Павлов предписал переименоваться в «волостное правление», а также приказал председателю земской управы, его помощнику и секретарю именоваться впредь «волостным старшиной», «помощником волостного старшины» и «волостным писарем» [14, с. 19].

Типичным репрессиям подверглось, например, земство Ольгинского уезда Приморской области. 15 марта 1919 г. охраной генерала Д.Л. Хорвата был задержан председатель уездной земской управы И.С. Масленников (по закону лицо неприкосновенное). 19 апреля он был подвергнут необоснованному и незаконному аресту повторно — чинами военного контроля при штабе Владивостокской крепости. 23 апреля в помещениях Ольгинской уездной земской управы был произведён обыск. При обыске, несмотря на то, что в предъявленном предписании было указано изъять дела и бумаги, принадлежащие только И.С. Масленникову, чинами военного контроля были опечатаны и изъяты дела и бумаги, принадлежавшие Ольгинскому уездному земству [13, с. 6—7]. Последнее было ещё одним нарушением законности, поскольку согласно ст. 73 «Временного положения о земских учреждениях в губернии Архангельской и в Сибири» обозрение дел и выемку документов в земских управах мог производить только областной комиссар, делая это лично или поручая своему помощнику либо уездному комиссару [31, с. 76—77]. В постановлении уездной земской управы, принятом по случаю описанных событий, отмечалось, что нормальная работа невозможна в условиях постоянных угроз и репрессий, чинимых над Ольгинским земством, в частности и земствами Приморской области вообще [13, с. 7—8].

Ещё хуже было в Никольске-Уссурийском, где хозяйничал атаман И.П. Калмыков. В начале октября 1918 г. была разогнана городская дума, при этом арестованы заместитель городского головы Ф.С. Лапин, член городской управы Кочётков, гласный Баканев. Взамен городской думы местные кадеты и цензовые элементы избрали «городской коллектив». От его имени в Омск к главе Сибирского временного правительства П.В. Вологодскому была послана делегация, которая должна была добиваться официального утверждения нового состава городской власти. Для оправдания своих действий организаторы переворота использовали обвинение умеренно-социалистического большинства разогнанной Никольск-Уссурийской городской думы в «большевизме», хотя было известно, что видные деятели городского самоуправления из числа эсеров и меньшевиков одно время были вынуждены скрываться от репрессий со стороны советской власти [5].

Правительство П.В. Вологодского не узаконило произведённый самочинный захват власти в Никольске-Уссурийском. Члены «городского коллектива» даже были привлечены к судебной ответственности [6]. Тем не менее самоуправство военных, их вмешательство в городскую жизнь не прекратились. Так, 27 октября 1918 г. была предпринята попытка арестовать члена городской управы Лаврентьева [7]. Не все, арестованные в ходе переворота, были освобождены. В частности, Ф.С. Лапин до 23 ноября 1918 г. содержался в городской тюрьме, затем был переведён в тюрьму отряда И.П. Калмыкова, 27 ноября был отправлен в Хабаровск и в пути убит [8; 23; ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 17]. Всего калмыковцами за

то время, пока они находились в Никольске-Уссурийском, были расстреляны без суда и следствия четверо гласных городской думы [2, с. 58—59].

Итак, действовавшие на Дальнем Востоке России в период гражданской войны и интервенции белогвардейские режимы допускали существование местного самоуправления. Однако, оставляя неизменной организационную структуру городского и земского самоуправления, они полагали необходимым ограничение самостоятельности и компетенции органов общественного управления, пересмотр избирательной системы в пользу цензовых слоёв населения. Большая часть изменений и дополнений касалась порядка формирования органов местного самоуправления и была призвана обеспечить лояльный по отношению к властям состав этих органов. Однако такая политика и незащищённость органов местного самоуправления от произвола властей порождали их оппозиционность.

С конца 1918 г. «умеренная демократия», прежде всего представленная земствами, развернула кампанию протестов в свою защиту. Земские и эсеро-меньшевистские издания помещали на своих страницах статьи с критикой правительственного курса, сообщения о репрессиях по отношению к деятелям земского и городского самоуправления, обзоры печати, характеризующие положение земства в Сибири и на Дальнем Востоке. Критика «белого» террора приносила свои плоды, особенно апелляция к международной обществу. Например, бесчинствовавшие в Никольске-Уссурийском калмыковцы были выведены из города [2, с. 59].

Постепенно сибирские и дальневосточные земства перешли от «словесной» оппозиции колчаковщине и атаманине к политическому сопротивлению. Первый шаг был сделан сибирским и дальневосточным земством в связи с выборами в Государственное экономическое совещание, на создание которого Омское правительство пошло весной 1919 г., стремясь найти опору в «организованной общественности». Однако правительство считало земства ненадёжными, поскольку они, по словам видного колчаковского деятеля Г.К. Гинса, «находились главным образом в руках той партии, которая бросила призыв к войне с диктатурой» [3, с. 139]. Поэтому земства были лишены права выбирать делегатов, им было дозволено выдвигать лишь кандидатов, из числа которых Верховным правителем назначались делегаты (не более 20 из 60 делегатов, составлявших Государственное экономическое совещание). Часть земств, не веря в возможность создать в таких условиях фундамент «здоровой экономической политики», решила бойкотировать совещание [26, с. 189—190]. Кроме того, несмотря на тщательный отбор представителей, правительство не нашло в Государственном экономическом совещании поддержки. Члены совещания довольно громко высказались за необходимость коренной переработки положения о составе и компетенции совещания, потребовали права вести всю законодательную работу, права запросов, законодательной инициативы и контроля за исполнительной властью [21, с. 6].

Неудачей завершилась и следующая попытка опереться на общественность, создав Государственное земское совещание. Органы местного

самоуправления на этот раз могли избирать членов совещания непосредственно. По Приморской области, например, норма представительства была следующей: по одному члену Государственного земского совещания избирали Владивостокская, Хабаровская и Никольск-Уссурийская городские думы (от городского населения) и по одному члену — областное земское собрание и «соединённый съезд Хабаровского, Иманского, Ольгинского и Никольск-Уссурийского уездов» (от сельского населения). Выборы должны были быть проведены до 15 декабря 1919 г. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 925. Л. 1—4]. Однако созыв Государственного земского совещания уже не удовлетворял земцев. По убеждению земской оппозиции, «предстоящее Государственное земское совещание ни по своему составу, ни по своей компетенции не будет сколько-нибудь заметно отличаться от Государственного экономического совещания, будет также непродуктивно и бесполезно даже для власти, его созывающей» [21, с. 6]. Оппозицией была выдвинута идея Земского собора в противовес «суррогату общественности», предложенному правительством. Сибземгор предпринял попытку претворить эту идею в жизнь, создав в Томске Главный комитет по содействию созыву Земского собора с отделениями в Красноярске, Владивостоке и других городах. Во Владивостоке бывший председатель Сибирской областной думы И.А. Якушев 5 сентября 1919 г. издал грамоту, где обвинил Колчака в том, что он «загубил дело возрождения государственности, с огромным трудом начатое демократией». Якушев предложил созвать Сибирский Земский собор, который бы создал временное правительство, принял Положение о Всесибирском Учредительном собрании и выработал меры по его созыву, передал местную государственную власть органам самоуправления и т.д. [26, с. 191].

Вынашивались и планы восстания для свержения диктатуры А.В. Колчака. Так, один из лидеров земской оппозиции правый эсер А.Н. Алексеевский во время поездки на Дальний Восток в середине августа 1919 г. призывал в своих докладах к подготовке антиколчаковского переворота. С этой же целью в Иркутске на нелегальном Всесибирском совещании земств и городов 12 ноября 1919 г. был создан межпартийный орган — Политический центр, в состав которого входил и представитель Приморской областной земской управы (Б.А. Косминский). Земская оппозиция имела тесные связи с иностранным дипломатическим корпусом, заручилась поддержкой со стороны чешских легионеров и согласием генерала Г. Гайды на участие в выступлении против Колчака [26, с. 191—192]. В деле борьбы с колчаковщиной некоторые земства готовы были сотрудничать даже с «красными». В частности, активную помощь партизанам оказывали Ольгинская уездная земская управа и её председатель И.С. Масленников [2, с. 59]. Но никаких самостоятельных реальных сил у земцев не было, поскольку их политическая платформа не находила отклика в широких народных массах. Историческая роль и значение земской оппозиции заключаются только в том, что её наличие способствовало более быстрому разложению колчаковского режима изнутри.

В результате восстаний рабочих и вступления партизан в города Дальнего Востока в конце января — начале февраля 1920 г. колчаковская власть была уничтожена. При подготовке восстания Дальневосточный комитет РКП(б) принял решение во избежание вооружённого столкновения с интервентами выступить под лозунгом создания не Советов, а переходных к Советам органов власти на основе коалиции коммунистов не только с эсерами, но с другими партиями и организациями. По предварительному соглашению, достигнутому, как отмечается в монографии Б.И. Мухачёва и Е.А. Луцкого, в результате личной встречи и беседы одного из лидеров приморских большевиков П.М. Никифорова и председателя Приморской областной земской управы эсера А.С. Медведева, вся власть временно передавалась Приморской областной земской управе [25, с. 185—187]. Одновременно по соображениям международно-политического характера руководством РСФСР было инициировано создание буферной Дальневосточной республики.

Более подробно деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства, политическая деятельность органов местного самоуправления в период гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России рассмотрены автором в ранее опубликованных статьях [39; 40]. Итог этой деятельности печален: невозможность решать хозяйственные вопросы в условиях нестабильности и экономического кризиса, бессилие органов местного самоуправления и, в конечном итоге, ликвидация земского и городского самоуправления в результате советизации Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Благовещенску сто лет (1858—1958 гг.): сб. документов и материалов. Благовещенск: Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1959. 575 с.
2. Бутенин Н.А. Земства и городские самоуправления Приморья в годы Гражданской войны // VI Арсеньевские чтения: тезисы докл. регион. науч. конф. по проблемам истории, археологии и краеведения. Уссурийск: Б.и., 1992. С. 58—59.
3. Гинс Г. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин: Б.и., 1921. 670 с.
4. Голос Приморья. 1919. 31 июля.
5. Далёкая окраина. 1918. 10 окт.
6. Далёкая окраина. 1918. 18 окт.
7. Далёкая окраина. 1918. 1 ноябр.
8. Далёкая окраина. 1918. 6 дек.
9. За власть Советов (из истории борьбы за установление советской власти в Камчатской области). 1920—1922 гг.: документы и материалы. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1967. 184 с.
10. Земская жизнь Приморья. 1919. № 1.
11. Земская жизнь Приморья. 1919. № 2.
12. Земская жизнь Приморья. 1919. № 3.
13. Земская жизнь Приморья. 1919. № 5.
14. Земская жизнь Приморья. 1919. № 7.
15. Земская жизнь Приморья. 1919. № 8.
16. Земская жизнь Приморья. 1919. № 9.

17. Земская жизнь Приморья. 1919. № 11.
18. Земская жизнь Приморья. 1919. № 12.
19. Земская жизнь Приморья. 1919. № 13.
20. Земская жизнь Приморья. 1919. № 18.
21. Земская жизнь Приморья. 1919. № 24.
22. Земская жизнь Приморья. 1919. № 25.
23. Земские известия. 1918. 7 дек.
24. Лобанов В.Г. Старая Чита. Чита: Степанов М.А., 2001. 270 с.
25. Луцкий Е.А., Мухачёв Б.И. Алексей Луцкий. Историко-биографический очерк (1883—1922 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2012. 275 с.
26. Мальцева Т.В. Земская «оппозиция» колчаковщине // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917—1922 гг.: Сб. статей. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 188—193.
27. Мухачёв Б.И. Политическая деятельность Владивостокской городской думы в марте 1917 — июле 1918 гг. // Известия Российского государственного архива Дальнего Востока: сб. науч. тр. Т. 3. Владивосток: Прим. краев. организация Добровольного об-ва любителей книги России, 1998. С. 158—168.
28. Мухачёв Б.И. Становление советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР (1917—1920 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 202 с.
29. Мухачёв Б.И. Установление народно-революционной власти на Камчатке в 1920 году // Труды Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока. Томск: Томск. кн. изд-во, 1960. Т. I. С. 239—268.
30. Новости жизни. 1919. 7 марта.
31. О введении земских учреждений в губернии Архангельской и в губерниях и областях Сибири (Постановление Временного правительства). Хабаровск: Б.и., 1917. 137 с.
32. Отчёт Приморской областной земской управы за шесть месяцев её деятельности // Доклады и материалы комиссий земского собрания. Владивосток: Б.и., 1919. Т. 2. С. 1—35.
33. Очерки истории Камчатской областной партийной организации (1917—1985). Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во. Камчат. отд-ние, 1986. 358 с.
34. Победа советской власти на Северном Сахалине (1917—1925 гг.): сб. документов и материалов. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 1959. 316 с.
35. Приамурская жизнь. 1919. 11 июля.
36. Собрание постановлений и распоряжений Западносибирского комиссариата Сибирского временного правительства, издаваемое Управлением делами комиссариата. 1918. № 2.
37. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 20.
38. Сонин В.В. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке (1917—1922). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 262 с.
39. Тригуб Г.Я. Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (январь — декабрь 1920 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический альманах. Владивосток: Дальнаука, 2006. Вып. I. С. 44—54.
40. Тригуб Г.Я. Политическая деятельность органов местного самоуправления в период гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России (июнь 1918 г. — октябрь 1922 г.) // Тихоокеанская Россия и страны АТР в изменяющемся мире: Сб. ст. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 240—252.
41. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
42. НАРБ (Национальный арх. республики Бурятии).
43. РГИА ДВ (Российский гос. исторический арх. Дальнего Востока).